

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА

Жили когда-то король и королева, были они бездетны, и это их так огорчало, что и сказать невозможно. Они побывали на всех водах, какие только есть на свете; обеты, паломничества, молитвы — все средства были испробованы, и все понапрасну. Наконец королева все-таки понесла и родила дочь. Пышно справили крестины; в крестные матери маленькой принцессе пригласили всех волшебниц, каких удалось найти в стране (их оказалось семь), чтобы каждая из них, как в ту пору принято было у волшебниц, наделила ее тем или иным даром, и принцесса явила бы собой пример всевозможных совершенств. После обряда крещения все общество вернулось в королевский дворец, где для волшебниц было приготовлено пиршество. Перед каждой из них поставили великолепный прибор и тяжелый золотой футляр, в котором были вилка, ложка и нож из чистого золота, украшенные алмазами и рубинами. Но когда стали садиться за стол, вошла старая волшебница — ее не пригласили, потому что она уже более пятидесяти лет не выходила из башни, и все думали, что она умерла или заколдована. Король велел поставить для нее прибор, но тяжелый золотой футляр вручить ей, как другим волшебницам, уже не удалось, ибо их сделали всего семь — для семи волшебниц. Старуха решила, что ей выказывают пренебрежение, и проворчала сквозь зубы какие-то угрозы. Одна из молодых волшебниц, находившаяся поблизости от нее, услышала эти угрозы и, опасаясь, как бы та не наделила маленькую принцессу каким-нибудь неприятным даром, сразу же, едва только встали из-за стола, пошла и спряталась за занавесь, полагая, что говорить ей придется после всех и тогда удастся, насколько это возможно, исправить вред, который причинит старуха. Между тем волшебницы стали наделять принцессу разными дарами. Самая молодая обещала ей, что она будет прекраснее всех: другая — что она будет божественно умна, третья — что она всегда и во всем будет удивительно мила; четвертая — что она будет безукоризненно танцевать; пятая — что она будет петь как соловей, а шестая — что на всех инструментах она будет играть с величайшим совершенством. Когда же пришел черед старой волшебницы, она сказала, тряся головой скорее от досады, чем от старости, что принцесса уколет себе руку веретеном и оттого умрет. Такой ужасный дар всех привел в содрогание, и не было человека, который бы не заплакал. В этот миг из-за занавеси вышла молодая волшебница и сказала: — Успокойтесь, король и королева, ваша дочь не умрет. Правда, я недостаточно могущественна, чтобы сделать вовсе не бывшим содеянное старой волшебницей: принцесса уколет себе руку веретеном, но она не умрет, а только погрузится в глубокий сон и будет спать сто лет, а потом придет королевский сын и разбудит ее. Король, чтобы избежать несчастья, предсказанного старухой, тотчас же издал указ, которым под страхом смерти всем подданным запрещалось прять веретеном и даже держать веретена у себя в доме. Спустя лет пятнадцать или шестнадцать король и королева как-то раз

поехали в один из своих загородных замков: молодая принцесса бегала по дому и подымалась все выше и выше, переходя из комнаты в комнату, пока не зашла наконец в жалкий чулан на самом верху башни, где сидела совсем одна какая-то старушка и прядла. Эта добрая женщина ничего не слышала о том, что король запретил прядь на веретене. «Что это вы делаете?» — спросила принцесса. «Пряду, милое дитя», — ответила старуха, не зная ее в лицо. «Ах, как это прелестно! — сказала принцесса. — Как это вы делаете? Дайте-ка и мне — выйдет ли у меня так же, как у вас?» И так как принцесса отличалась большой живостью и некоторым легкомыслием, и к тому же такова была воля феи, она, взяв веретено, тотчас же уколола себе руку и упала без чувств. Старушка в немалом смущении зовет на помощь: люди сбегаются со всех сторон, принцессе прыскают в лицо водой, ее расшнуровывают, ее хлопают по ладоням, ей трут виски водою королевы венгерской, но так и не могут привести ее в чувство. Тогда король, поднявшийся на этот шум, вспомнил о предсказании волшебниц и, рассудив, что так и должно случиться, раз это было предсказано, велел отнести принцессу в один из лучших покоев дворца и оставить на ложе, расшитом золотом и серебром. Можно было принять ее за ангела — так она была хороша: несмотря на обморок, цвет ее лица не утратил своей живости; щеки были как розы, а уста — словно коралл; глаза были закрыты, но слышно было, как она тихонько дышит, а это показывало, что она не умерла. Король приказал, чтобы ее оставили спокойно спать, пока не придет час ее пробуждения. Когда с принцессой случилось несчастье, добрая волшебница, которая спасла ей жизнь, присудив ей проспать сто лет, находилась в королевстве Матаквинском, за двенадцать тысяч миль, но ее в один миг известил об этом карлик, носивший семимильные сапоги (то были сапоги, в которых за один шаг можно было сделать семь миль). Волшебница тотчас же пустилась в путь, а через час уже подъезжала к замку на огненной колеснице, запряженной драконами. Король вышел ей навстречу и помог сойти с колесницы. Она одобрила все, что он сделал, но, будучи особой весьма предусмотрительной, подумала и о том, что принцесса, когда ей придет время пробудиться, попадет в немалое затруднение, оказавшись одна в этом старом замке. И вот что она сделала. Своей палочкой она коснулась всего, что было в замке (кроме короля и королевы): ключниц, фрейлин, камеристок, кавалеров, прислужников, дворецких, поваров, поварят, мальчиков на побегушках, стражей, привратников, пажей, лакеев; она коснулась также и всех лошадей, какие стояли в конюшнях, и всех конюхов, всех больших дворовых псов и маленькой Пуф, собачки принцессы, лежавшей с ней на постели. Как только она дотронулась до них, они уснули, чтобы пробудиться вместе со своей госпожой, готовые служить ей, когда это будет нужно. Вертелы перед очагом, усаженные куропатками и фазанами, задремали, и огонь тоже. Все это произошло в один миг: волшебницы скоры на руку. Тогда король и королева, поцеловав свое милое дитя, которое не проснулось от их поцелуя, вышли из замка и издали указ, запрещающий кому бы то ни было к нему приближаться. Запрет этот был излишен, ибо за четверть часа вокруг выросло так много деревьев — высоких и

низеньких, так много колючих терновых кустов, сплетавшихся друг с другом, что сквозь них не прошел бы ни зверь, ни человек; и видны были только башни замка, да и то лишь, если глядеть издали. Никто не сомневался, что волшебница и на этот раз превзошла самое себя, дабы принцессе, пока она будет спать, не грозила опасность от любопытных прохожих. Через сто лет сыну короля, царствовавшего в то время и принадлежавшего к другому дому, чем спящая принцесса, случилось охотиться в тех краях, и он стал спрашивать: что это за башни возвышаются над тем густым лесом? Каждый отвечал ему то, что сам слышал: одни говорили, что это старый замок, где появляются призраки, другие — что местные колдуны справляют там шабаш. Наиболее распространенное мнение было таково: там живет людоед, и всех маленьких детей, которых ему удастся заполучить, он уносит туда — там ему всего удобнее их поедать, а последовать за ним никто не может, ибо только ему дана способность пробираться сквозь эту чащу. Принц не знал, чему и верить, но тут вдруг заговорил какой-то старик крестьянин и сказал ему: «Государь мой, вот уже пятьдесят лет минуло с той поры, как я слышал от моего отца, будто в этом замке спит принцесса и прекраснее ее нет на свете; будто она должна проспать там сто лет и пробудит ее королевский сын, которому она суждена». От этих слов юный принц исполнился пыла: не колеблясь, он решил, что доведет до конца столь прекрасное приключение, и, движимый жаждой любви и славы, вознамерился тотчас узнать, правда ли все это. Едва он сделал несколько шагов в сторону леса, как все эти колючие терновые кусты сами расступились и дали ему пройти. Он направился к замку, видневшемуся в конце широкого проезда, по которому он шел, и несколько удивило его только то, что ни один человек из его свиты не смог последовать за ним, ибо деревья сразу же сомкнулись, едва только он миновал их. Принц не остановился: молодые влюбленные принцы всегда отважны. Он вошел в большой передний двор, где все, что он увидел, могло бы навеять на него леденящий ужас. Здесь царило страшное безмолвие: образ смерти являлся всюду, и всюду кругом распростерты были тела людей и животных, казавшиеся мертвыми. Однако по угреватым носам и ярко-красным лицам привратников он понял, что они только спят; а судя по их чашам, в которых еще сохранилось несколько капель вина, легко было догадаться, что эти люди, перед тем как заснуть, выпивали. Он минует большой двор, выложенный мрамором; подымается по лестнице; входит в залу, где стражи стоят рядами, с ружьями на плечах, и храпят изо всех сил. Он проходит покоями, полными кавалеров и дам, и все они спят, одни — стоя, другие — сидя. Он входит в комнату, всю украшенную золотом, — и тут ему является зрелище, прекраснейшее из всех, какие ему случалось видеть: на постели, занавески которой были раздвинуты со всех сторон, лежала принцесса, на вид лет пятнадцати-шестнадцати, полная очарования, в котором было что-то лучезарное и небесное. Он приблизился к ней с трепетом и восхищением и опустился подле нее на колени. Тогда принцесса пробудилась — ибо чарам пришло время рассеяться, — и, глядя на него нежными глазами, что, казалось бы, не очень естественно для первого взгляда, молвила ему: «Вы ли это, принц? Вас долго

пришлось ждать». Принц, очарованный этими словами, а еще более — тоном, каким они были сказаны, не знал, как ему выразить свою радость и благодарность: он стал уверять, что любит ее больше, чем самого себя. В речах его было мало порядка — от этого они понравились еще больше: мало красноречия, много любви. Он был в большем смущении, чем она, и этому не должно удивляться: у нее было время подумать о том, что она ему скажет, ибо добрая волшебница, как видно (история, впрочем, об этом умалчивает), наделила ее на время столь долгого сна даром приятных грез. Словом, прошло четыре часа, как они разговаривали, а они все еще не сказали друг другу и половины тех вещей, которые хотели сказать. Тем временем вместе с принцессой пробудился и весь дворец: каждый собирался приняться за свое дело, а так как все эти люди не были влюблены, то умирали от голода. Одна из фрейлин, мучимая голодом, как и все остальные, потеряла терпение и во всеуслышание сказала принцессе, что жаркое подано. Принц помог принцессе подняться: она ведь была одета, и притом весьма пышно; но он не сказал ей, что одета она, как его бабушка, и что воротник у нее стоячий, — ведь от этого она не стала менее красива. Они прошли в гостиную с зеркалами и поужинали там, а подавали им прислужницы принцессы. Скрипки и гобои играли им пьесы старые, однако превосходные, хотя их не играли уже лет сто; а после ужина, не теряя времени, священник обвенчал их в капелле замка, а потом фрейлина задернула полог. Спали они мало: принцессе в этом не было особой нужды, а принц утром покинул ее, чтобы вернуться в город, где отец его, наверно, уже беспокоился о нем. Принц сказал ему, что, охотясь, заблудился в лесу и ночевал в хижине угольщика, который дал ему черного хлеба и сыра. Король-отец, человек простодушный, поверил, но мать не особенно была склонна верить сыну, а заметив, что принц почти каждый день уезжает на охоту и что всегда у него готово объяснение, когда он две или три ночи сряду не ночует дома, она уже не сомневалась, что у него какая-то любовная история. С принцессой он жил уже более двух лет, было у них и двое детей — дочь, старшая, которую называли Заря, и сын, которого называли День, потому что он был еще прекраснее, чем его сестра. Королева, стараясь добиться объяснений от сына, несколько раз говорила ему, что в жизни следует искать семейных радостей; но он так и не решился доверить ей свою тайну: он опасался ее, хоть и любил, ибо она была из племени людоедов, и король женился на ней только ради ее богатств. И даже при дворе шепотом поговаривали, что у нее наклонности людоедов и что, видя маленьких детей, она с великим трудом сдерживается, чтобы не броситься на них, поэтому принц так и не захотел ничего ей сказать. Но когда король умер, — а это случилось через два года, — и принц стал королем, он всенародно объявил о своем браке и самым торжественным образом отправился за женой в ее замок. Ей устроили великолепный прием в столице, в которую она въехала вместе с двумя своими детьми. Немного времени спустя король собрался на войну с императором Канталабутом, своим соседом. Управлять королевством он предоставил королеве-матери и ее попечениям поручил жену и детей: на войне он должен был пробыть все лето; а как только он уехал, королева-мать отослала

невестку и ее детей в загородный дом, находившийся в лесу, где ей удобнее было осуществить свое адское намерение. Через несколько дней она тоже отправилась туда и как-то вечером сказала своему дворецкому: «Завтра на обед я хочу съесть маленькую Зарю». — «Ах, госпожа моя!..» — сказал дворецкий. «Я так хочу», — сказала королева (и сказала тоном людоедки, которой хочется поесть свежего мяса), — и хочу съесть ее под соусом Робер». Бедный человек, видя, что с людоедкой нельзя шутить, взял свой большой нож и поднялся в комнату к маленькой Заре; ей в ту пору было четыре года, и она, прыгая и смеясь, бросилась к нему на шею и попросила у него лакомств. Он заплакал, нож выпал у него из рук; он вышел на двор и зарезал маленького барашка и приготовил его под таким прекрасным соусом, что королева уверяла его потом, будто никогда не ела ничего вкуснее. Маленькую Зарю он унес с собой и отдал своей жене, чтобы она ее спрятала на заднем дворе. Неделью спустя злая королева сказала своему дворецкому: «Теперь я хочу, чтобы к ужину мне был подан маленький День». Дворецкий не возражал ей, решив обмануть ее так же, как и в первый раз. Он отправился за маленьким Днем и, придя к нему в комнату, увидел, что тот, держа крохотную рапиру, фехтует с большой обезьяной; а ведь мальчику было всего три года! Дворецкий снес его к своей жене, которая спрятала его вместе с Зарей, а вместо Дня подал на ужин козленка, отличавшегося весьма нежным мясом, так что королева нашла его превосходным на вкус. До сих пор все шло хорошо, но однажды вечером эта злая королева сказала дворецкому: «Я хочу съесть и мою невестку под таким же соусом, что и ее детей». Вот тут-то бедный дворецкий и потерял надежду обмануть ее. Молодой королеве уж минул двадцатый год, не считая тех ста лет, что она проспала; кожа у нее была все же жесткая, хотя красивая и белая; а где взять на скотном дворе животное с такой жесткой кожей? Чтобы спастись самому, он решил зарезать королеву и поднялся в ее покои, намереваясь покончить дело разом. Он разжигал в себе ярость и с ножом в руках вошел в комнату молодой королевы; однако он не захотел напасть на нее врасплох и весьма почтительно сказал ей о приказании, которое получил от королевы-матери. «Исполняйте ваш долг, — сказала она, подставляя шею под нож, — исполняйте приказание, которое вам дали; теперь я увижу детей, моих бедных детей, которых я так любила!» — ибо она считала их мертвыми с тех пор, как их у нее отняли. «Нет, нет, госпожа моя, — отвечал ей бедный дворецкий, совсем растроганный, — вы не умрете и все-таки увидите ваших милых детей, но увидите вы их у меня, там, где я их спрятал, и я еще раз обману королеву — я изжарю для нее вместо вас молодую лань». Он тотчас же повел ее к себе в комнату и оставил обнимать детей и плакать с ними, а сам пошел готовить лань, которую королева-мать и съела за ужином с таким аппетитом, словно то была молодая королева; она была очень довольна своей жестокостью и собиралась сказать королю по его приезде, что бешеные волки сожрали его жену-королеву и обоих его детей. Однажды вечером, когда она, по своему обыкновению, бродила по замку, по дворам, птичьему и скотному, принюхиваясь, не пахнет ли свежим мясом, она услышала, как в комнате нижнего

этажа плачет маленький День, ибо королева, его мать, хотела высечь его за то, что он выказал злой нрав; она услышала также, как маленькая Заря просит, чтобы простили ее брата. Людоедка узнала голос королевы и ее детей и, в ярости от того, что ее обманули, страшным голосом, всех приведшим в трепет, приказала, чтобы завтра же утром посреди двора поставили большой чан, наполненный жабами, ужами, гадюками и другими змеями, и бросили в него королеву с ее детьми, дворецкого, его жену и его служанку; она велела, чтобы их привели, связав им руки за спиной. Они стояли во дворе, и палачи уже готовились бросить их в чан, как вдруг король, которого так скоро не ожидали, въехал верхом во двор; он примчался во весь опор и, весьма удивленный, спросил, что означает это ужасное зрелище. Никто не смел объяснить ему это, и тут вдруг людоедка, в бешенстве от того, что ей помешали, сама бросилась в чан, вниз головой, и в один миг была сожрана мерзкими тварями, которых она велела туда насажать. Король не мог не огорчиться: ведь это была его мать; но он вскоре утешился со своей прелестной женой и своими детьми.

МОРАЛЬ

Немного обождать, чтоб подвернулся муж,
Красавец и богач к тому ж,
Вполне возможно и понятно.

Но сотню долгих лет, в постели лежа, ждать
Для дам настолько неприятно,
Что ни одна не сможет спать.

Пожалуй, выведем второе поученье:
Нередко звенья уз, что вяжет Гименей,
Пока разрознены и слаще и нежней;
Так обождать — удача, не мученье.

Но нежный пол с таким огнем
Твердит свой символ веры брачной,
Что сеять яд сомнений в нем
У нас не хватит злости мрачной.

